

Борис КУТЕНКОВ

ЭНЕРГИЯ СПОКОЙСТВИЯ

Лев Рубинштейн. Время политики. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. – 432 с.

«Политикой я не интересуюсь. Но что считать политикой? Если политика – это когда участковый рвётся в твою квартиру с целью “проверки паспортного режима”, то не интересоваться этим довольно затруднительно. Если политика – это захват заложников, взрывы домов, бомбардировки городов и зачистки сёл, то не замечать это – безусловный признак социального аутизма. А если политика – это отчётный доклад генерального секретаря на очередном съезде, то нормальный человек хотя бы из чувства умственной гигиены плотно закроет глаза и уши. И если политика – это совокупность и взаимодействие разного рода шкурных интересов разного рода лиц, называемых политиками, то вот это, уж извините, к нормальному человеку отношения иметь не может».

Это из книги эссе Льва Рубинштейна «Скорее всего» (АСТ: Corpus, 2013).

С тех пор, кажется, кое-что поменялось. И во взглядах эссеиста, и в окружающем нас мире. На дворе – «время политики», которая слишком навязчиво лезет в окна и двери. То есть – время, когда и «шкурные интересы» министров и депутатов, и их «отчётные доклады», а главное – язык, отражающий всё это, – ужасно интересны (здесь слово «ужасно» – не просто фигура речи). Время политики касается каждого здравомыслящего человека, и, думаю, на «социальный аутизм» (а значит, на игнорирование всего перечисленного) Лев Семёнович тоже посмотрел бы по-другому.

Он и говорит об этом. «Не знаю, кому как, но мне лично представляется затруднительным вполне дистанцироваться от происходящего. И это мое ощущение вполне разделяется многими из тех, с кем мне приходилось общаться последнее время», – из новой книги.

Как и в прошлых сборниках, Рубинштейн – против. Но не как та самая баба-яга из анекдота, а – против общих мест сознания. Против навязывания официозной идеологии. Против диктуемых нам норм государственной пропаганды (зачастую весьма далёких от здравого смысла). Против забивания этой пропагандой индивидуальных ценностей. То есть – против того, за что вменяемому человеку быть, кажется, совершенно невозможно, но что, тем не менее, упорно преподносится нам средствами официальной риторики. Разделение на «мы» и «они» и апеллирование к негативному опыту бывшего СССР здесь важны: «Вспоминаю один из бесконечных разговоров тех лет. Кто-то из нас сказал: “Мы живем при советской власти”. “Да нет, – сказал другой, – уж скорее мы живем посреди советской власти. А она – вокруг нас”. Если “советскую власть” заменить, допустим, “особым путем”, “традиционными ценностями” и прочими “скрепами”, то примерно так же можно сказать и теперь». В этой независимости автор «Времени политики» схож с другим современным философом – Андреем Тавровым, который в одной из дискуссий, когда его собеседник отпустил реплику о «постмодернистской культурной ситуации», заметил: «Места жительства, определяемые императивно и произвольно, это практика совсем не литературная. <...> Я не считал себя заложником коммунистической ситуации, я не считаю себя и жителем ситуации постмодерна». Здесь Рубинштейн проявляет себя не только как политолог, но и как лингвист – безупречно внимательный к языку, к его смешавшимся коннотациям, что особенно значимо в ситуации расплывшегося языкового абсурда: эссеист обильно приводит примеры последнего из выступлений современных политиков и депутатов. В одном из эссе впрямую декларируется необходимость «восстановления доверия к языку»: следуя за Бродским в апологии поэзии

как «высшей формы существования языка», Рубинштейн справедливо перелагает эту необходимость именно на стихи. Но весь пафос книги, весь её центральный месседж недвусмысленно говорят о том, что спасение языка ныне – дело не только или не столько поэзии. В мире Рубинштейна это прежде всего средство противостояния раздающимся с телеэкрана нелепым высказываниям, различного рода перлам вроде «убийца в лучшем смысле слова» и прочим стилистическим и логическим симулякрам, внедряемым в наши головы. И лучше всего сейчас с расстановкой точек над *i* справляется эссеистика – как пространство, где можно дать внятные ответы, а не только ставить вопросы. Внятные лингвистические уточнения в книге Рубинштейна касаются самых разных ситуаций нашей жизни – от употребления сомнительного речевого оборота «удрать за границу» (которому Лев Семёнович посвящает отдельное эссе – разбирая и его советское бытование, и последующую трансформацию) до разграничения «героизма» и «геройствования»; от попыток сузить понимание истории до «официальной» (т.е. удобной власти имущим) версии, – до «вируса запретительства» в более широком смысле, коварного потому, что чужд рефлексии. Отдельное внимание стоит обратить на эссе, касающееся печально известного закона об иноагентах: в нём автор, как ему свойственно, затрагивает проблему на разных уровнях – от коннотаций слова «иностронец» в СССР до задач современного пропагандистского дискурса; от хлёсткого и верного определения слова «иноагент» как «идиотского клейма» – до прогноза о меняющемся значении этого «клейма» в отдалённом будущем.

О будущем, тем не менее – что удивительно! – здесь говорится с надеждой. Хотя и надежда эта – «вопреки». «Другое сильное, хотя и тоже слегка стыдное чувство – это чувство надежды. Впрочем, нет, не стыдное, точнее будет сказать – стыдливое. А стыдливое оно потому, что она, эта надежда, всплывает всякий раз вновь и вновь, вопреки логике событий и вообще здравому смыслу. Впрочем, по моему мнению, именно поэтому она, надежда, и имеет шансы на успех. <...> Эта неугомонная надежда всплывает на поверхность всякий раз, когда, например, кого-то освобождают в зале суда, когда узники возвращаются к своим семьям и друзьям, когда ты выходишь на мирное шествие и попадаешь в окружение исключительно прекрасных, наделенных осмысленностью и достоинством молодых людей, с которыми ты и связываешь эту свою надежду».

И это при том, что по сравнению с предыдущими книгами Рубинштейна почти исчезла интонация веселья – вы мало найдёте в этой книге анекдотических историй, так любимых читателями и составляющих основу его стиля. Нет, чувство юмора и ирония ему не изменили – но положение дел сегодня становится всё грустнее и серьёзнее и располагает к соответствующему тону. Что ж, такое оно, «время политики». Об этом – эссе «А всё оттуда», из которого следует грустный вывод – в каком-то смысле являющийся лейтмотивом книги: роль «анекдота» (и, больше, пародии) сегодня выполняет как раз официальная риторика, мы находимся внутри абсурдной игры, которая обрела в наши дни формы власти. В другом эссе: «Серьезное и смешное туго переплетены и перепутаны, особенно в наши дни». К этой теме стирания дистанции – когда представители властного дискурса становятся «художниками и творцами» (они же – создатели нынешнего «официального искусства»), но от их «творений» совсем не смешно, – Лев Семёнович возвращается не единожды. Возможно, как раз с этим связано «осерьёзнение» рубинштейновских текстов – хотя он никогда не был *только* юмористичен и всегда в лёгком, весёлом стиле, с характерными байками затрагивал базовые для общества вещи. Но разве сегодня до анекдотов, когда само происходящее в политике по-плохому анекдотично – только вот констатированное автором опасное «переплетение» смешного и серьёзного не особо смешит. В то же время в книге довольно много сказано о самой природе смеха – и, например, полемике с теми, кто не терпит никаких анекдотов о «святых» вещах, идентифицируя юмор с кощунством и высмеиванием. Ракурс разговора о «смешном» в этой книге дополнительно убеждает в свободе мышления эссеиста, в его решительном противостоянии штампам сознания – но

процитировать здесь хочется замечательные слова Льва Лосева из статьи о Юзе Алешковском (приведённые Рубинштейном в его книге «Скорее всего» и точно отражающие его позицию): «Если правило веры не прочувствовано в живом опыте, а применяется априорно, оно есть суеверие. Значение любых, без исключения слов, контекстуально...». Разного рода правила веры, применяемые вне контекста и не осмысленные как часть живого опыта, а значит, синонимичные уже упомянутым общим местам (и, как показывает Рубинштейн, имеющие отчётливые шансы превратиться в бездумный карательный инструмент), – важная тема книги.

Кажется, что одному из таких общих мест, о которых никогда не мешает дополнительно сказать, противостоит само название сборника. Конформистское «времена не выбирают» вполне может рассматриваться как антитеза не только её заглавию, но и одному из лейтмотивов. По Рубинштейну, свобода выбора своего времени – а значит, системы индивидуальных и языковых конвенций, представлений о «добре и зле», о «красоте и уродстве», о «вкусе и пошлости», – неотъемлема от права быть человеком – как бы сегодня всех нас ни пытались лишить этого выбора. По отношению к различным формам, как выражается сам Рубинштейн, «социального аутизма» (под ним, напомним, автор понимает упорное нежелание открывать глаза на проблемы своего времени), писатель более радикален. «Агрессивный аполитизм», с его точки зрения, как ставшее тенденцией то самое нежелание вникать, – следствие как раз навязываемой нам официальной идеологии и её желаемый результат. В таком утверждении можно увидеть несоответствие провозглашаемым писателем ценностям свободы (скажем, свобода быть аполитичным – разве не одна из её разновидностей?). Но при более внимательном взгляде понимаешь, что особого противоречия нет. Аполитизм есть ложная «свобода» (как форма всё той же несвободы, ибо диктуется всё тем же пропагандистским запросом). А отстаивание индивидуального мнения, не обязательно в форме митингов, а скажем, в тех же эссе, и есть ныне тот выбор, что отграничивает «социальных аутистов» и конъюнктурщиков от апологетов независимых ценностей.

Сам автор говорит об «энергии сопротивления» – цензуре, самоцензуре, общим местам – как о «продолжении жизнедеятельности». Высказывания такого человека, как Рубинштейн, – который со всей присущей ему энергией сопротивления ратует за осмысленный выбор: и языковой, и – больше – личностный, – и не боится провозглашать «немодную» правду о своём времени, – сегодня невольно внушают энергию другого рода. Я бы назвал её «энергией спокойствия» – именно она передаётся читателю со страниц этой книги вопреки тревожным констатациям и прогнозам. Здравый смысл, явный в каждом рубинштейновском предложении, в каждой букве, – тому порука. Пусть даже этому спокойствию и здравомыслию сегодня противоречит всё вокруг.